

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И

БОРИС АКУНИН

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ
Русь изначальная
Русь Великая	АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН
Гулящие люди
ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ
Евпраксия
Ярослав Мудрый	ВСЕВОЛОД СОЛОВЬЕВ
Царь-девица
АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ
Голубь над Понтом	АНАТОЛИЙ БРУСНИКИН
Девятный Спас
Герой иного времени
Беллона
ВЕРА ПАНОВА
Сказание об Ольге	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
Петр Первый
БОРИС ВАСИЛЬЕВ
Вещий Олег
Владимир Красное Солнышко	ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ
Мемуары
ВАСИЛИЙ ЯН
Чингисхан
Батый	ЛЕВ ТОЛСТОЙ
Хаджи-Мурат
ИСАЙ КАЛАШНИКОВ
Жестокий век	СОФИЯ ШУАЗЁЛЬ-ГУФЬЕ
Исторические мемуары
об императоре Александре
и его дворе
ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ
Иван III — государь вся Руси	А.П. ЕРМОЛОВ
Записки русского генерала.
1812 год
АЛЕКСЕЙ ЮГОВ
Ратоборцы	И.Д. ЯКУШКИН
Записки декабриста
ДМИТРИЙ БАЛАШОВ
Куликово поле
Степной закат	АДАМ ЧАРТОРЫЖСКИЙ
Мемуары
А.К. ТОЛСТОЙ
Князь Серебряный
Драматические произведения	Ю.Н. ТЫНЯНОВ
Кюхля
Смерть Вазир-Мухтара
ЛЕВ ЖДАНОВ
Царь Иоанн Грозный
Последний фаворит	В.М. ГАРШИН
Четыре дня

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ВСЕВОЛОД ГАРШИН

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Издательство АСТ
Москва

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЯДОВОГО КВАЖОВА

1

Четвёртого мая тысяча восемьсот семьдесят седьмого года я приехал в Кишинёв и через полчаса узнал, что через город проходит 56-я пехотная дивизия. Так как я приехал с целью поступить в какой-нибудь полк и побывать на войне, то седьмого мая, в четыре часа утра, я уже стоял на улице в серых рядах, выстроившихся перед квартирой полковника 222-го Старобельского пехотного полка. На мне была серая шинель с красными погонами и синими петлицами, кепи с синим околышем; за спиною ранец, на поясе патронные сумки, в руках тяжёлая крынковская винтовка.

Музыка грянула: от полковника выносили знамёна. Раздалась команда; полк беззвучно сделал на караул. Потом поднялся ужасный крик: скомандовал полковник, за ним батальонные и ротные командиры и взводные унтер-офицеры. Следствием всего этого было запутанное и совершенно непонятное для меня движение серых шинелей, кончившееся тем, что полк вытянулся в длинную колонну и мерно зашагал под звуки полкового оркестра, гремевшего весёлый марш.

Шагал и я, стараясь попадать в ногу и идти наравне с соседом. Ранец тянул назад, тяжёлые сумки — вперёд, ружье соскакивало с плеча, воротник серой шинели тёр шею; но, несмотря на все эти маленькие неприятности, музыка, стройное, тяжёлое движение колонны, раннее

свежее утро, вид щетины штыков, загорелых и суровых лиц настраивали душу твёрдо и спокойно.

У ворот домов, несмотря на раннее утро, толпился народ; из окон глядели полураздетые фигуры. Мы шли по длинной прямой улице, мимо базара, куда уже начали съезжаться молдаване на своих воловьих возах; улица поднималась в гору и упиралась в городское кладбище. Утро было пасмурное и холодное, накрапывал дождик; деревья кладбища виднелись в тумане; из-за мокрых ворот и стены выглядывали верхушки памятников. Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. И казалось мне, что оно смотрит на нас сквозь туман в недоумении. «Зачем идти вам, тысячам, за тысячи вёрст умирать на чужих полях, когда можно умереть и здесь, умереть покойно и лечь под моими деревянными крестами и каменными плитами? Оставайтесь!»

Но мы не остались. Нас влекла неведомая тайная сила: нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушёл бы домой, но вся масса шла, повинуюсь не дисциплине, не сознанию правоты дела, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню — самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий.

За кладбищем открылась широкая и глубокая долина, уходившая из глаз в туман. Дождь пошёл сильнее; кое-где, далеко-далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный луч; тогда косые и прямые полосы дождя сверкали серебром. По зелёным склонам долины ползли туманы; сквозь них можно было различить длинные, вытянувшиеся колонны войск, шедших впереди нас. Изредка блестели кое-где штыки; орудие, попав в солнечный свет, горело несколько времени яркою звёздочкою и меркло. Иногда тучи сдвигались: становилось темнее; дождь шёл чаще. Через час после выступления я почув-

становал, как струйка холодной воды побежала у меня по спине.

Первый переход был невелик: от Кишинёва до деревни Гаурени всего восемнадцать вёрст. Однако, с непривычки нести на себе фунтов двадцать пять — тридцать груза, я, добравшись до отведённой нам хаты, сначала даже сесть не мог: прислонился ранцем к стене да так и стоял минут десять в полной амуниции и с ружьём в руках.

Один из солдат, идя на кухню за обедом, сжалившись надо мной, взял и мой котелок; но когда он пришёл, то застал меня спящим глубоким сном. Я проснулся только в четыре часа утра от нестерпимо резких звуков рожка, игравшего генерал-марш, и через пять минут снова шагал по грязной глинистой дороге, под мелко сыпавшим, точно сквозь сито, дождиком. Передо мною двигалась чья-то серая спина с навьюченным на нее бурым телячьим ранцем, побрякивавшим железным котелком и ружьём на плече; с боков и сзади тоже шли такие же серые фигуры. Первые дни я не мог отличить их друг от друга.

Двести двадцать второй пехотный полк, куда я попал, состоял большею частью из вятских (вячких, как они говорили) и костромских мужиков. Всё широкие, скуластые лица, побуревшие от холода; серые небольшие глаза, белокурые, бесцветные волосы и бороды. Хотя я и помнил несколько фамилий, но кому они принадлежат — не знал. Через две недели я не мог понять, как я мог смешивать двух своих соседей: одного, шедшего рядом со мною, и другого, шедшего рядом с обладателем серой спины, бывшей постоянно перед моими глазами. Я безразлично называл их Фёдоровым и Житковым и постоянно ошибался, а между тем они были совершенно не похожи друг на друга.

Фёдоров, ефрейтор, был молодой человек лет двадцати двух, среднего роста, стройно, даже изящно сложенный. У него было правильное, будто выточенное лицо, с очень красиво очерченными носом, губами и подбород-

ком, покрытым белокурой курчавой бородкой, и с весёлыми голубыми глазами. Когда кричали: «Песенники, вперёд!», он бывал запевалой нашей роты и чисто выводил грудным тенором, на высоких нотах прибегая к высочайшему фальцету: «...Царя тре-е-буют в сенат!»

Он был уроженец Владимирской губернии, с детства попавший в Петербург. Что редко случается, петербургская «образованность» не испортила его, но только отшлифовала, научив, между прочим, читать газеты и говорить всякие мудрёные слова.

— Конечно, Владимир Михайлович, — говорил он мне, — я могу иметь рассуждения больше, чем дядя Житков, так как Питер оказал на меня своё влияние. В Питере цивилизация, а у них в деревне одно незнание и дикость. Но, однако, как они человек пожилой и, можно сказать, виды видевший и перенесший различные превратности судьбы, то я не могу на них орать, например. Ему сорок лет, а мне двадцать третий. Хотя я в роте и ефрейтор.

Дядя Житков — коренастый, необыкновенной силы мужик, всегда мрачного вида. Лицо у него было тёмное, скуластое, глаза маленькие, смотревшие исподлобья. Он никогда не улыбался и редко говорил. Он был плотник по ремеслу и находился в бессрочном отпуску, когда мобилизовали нашу армию. До чистой отставки ему оставалось всего несколько месяцев; началась война, и Житков пошёл в поход, оставив дома жену и пятерых ребятишек. Несмотря на непривлекательную наружность и вечную мрачность, в нем было что-то влекущее, доброе и сильное. Теперь мне кажется совершенно непонятным, как я мог смешивать этих соседей, но в первые два дня оба мне казались одинаковыми: серыми, навьюченными, уставшими и продрогшими.

Всю первую половину мая шли непрерывные дожди, а мы двигались без палаток. Бесконечная глинистая до-

— Что ж я сказал, Василь Карпыч? Нешто не иду! Помирать, так помирать... всё одно...

— То-то! Поговори еще!

Житков молчит; лицо его становится еще мрачнее. Да и всем вообще не до разговоров: идти было слишком тяжело. Ноги скользят, и люди часто падают в липкую грязь. Крепкая ругань раздаётся по батальону. Один Фёдоров не вешает носа и без усталости рассказывает мне историю за историей о Петербурге и деревне.

Однако всему бывает конец.

Однажды, проснувшись утром на бивуаке около деревни, где была назначена днёвка, я увидел голубое небо, белые мазанки и виноградники, ярко залитые утренним солнцем, услышал повеселевшие живые голоса. Все уже встали, обсушились и отдыхали от тяжёлого полуторанедельного похода под дождём без палаток. Во время днёвки привезли и их. Солдаты тотчас же принялись натягивать их и, устроив всё как следует, забив колышки и натянув полотнища, почти все улеглись под тень.

— От дождя не помогли, от солнышка сберегут.

— Да, чтобы личико у барина не почернело, — пошутил Фёдоров, лукаво подмигивая в мою сторону.

II

В нашей роте было всего два офицера: ротный командир — капитан Заикин и субалтерн-офицер — прапорщик Стебельков. Ротный был человек средних лет, толстенный и добрый; Стебельков — юноша, только что выпущенный из училища. Жили они дружно; капитан приголубил прапорщика, поил и кормил его, а во время дождей даже прикрывал под своим единственным гуттаперчевым плащом. Когда роздали палатки, наши офицеры поместились вместе, а так как офицерские палатки

были просторны, то капитан решил поселить с собою и меня.

Утомлённый бессонною ночью (накануне наша рота была назначена к обозу, и мы всю ночь вытаскивали его из рытвин и даже вывозили при помощи «Дубинушки» из разлившейся речки), я крепко уснул после обеда. Денщик ротного командира разбудил меня, осторожно трогая за плечо.

— Барин Иванов! Барин Иванов! — шептал он, как будто не хотел разбудить меня, а, напротив, всеми силами старался не нарушить моего сна.

— Что вам?

— Ротный требуют. — И видя, что я надеваю портупею со штыком, прибавил: — Они сказали: веди в чём есть.

В палатке Заикина собралась целая компания. Кроме хозяев, было еще два офицера: полковой адъютант и командир стрелковой роты Венцель. В 1877 году батальон состоял не из четырёх, как теперь, а из пяти рот; на походе стрелковая рота шла сзади, так что наша рота своими последними рядами соприкасалась с ее первыми. Мне приходилось идти почти между стрелками, и я уже несколько раз слышал от них самые дурные отзывы о штабс-капитане Венцеле. Все четверо сидели вокруг ящика, заменявшего стол и занятого самоваром, посудой и бутылкой, и пили чай.

— Господин Иванов! Пожалуйте, пожалуйста! — закричал капитан. — Никита! Чашку, кружку, стакан, что там у тебя есть! Подвинься, Венцель; пусть он присаживается.

Венцель встал и весьма любезно поклонился. Это был сухощавый, небольшого роста молодой человек, бледный и нервный. «Какие у него беспокойные глаза и какие тонкие губы!» — пришло мне тогда в голову.

Адъютант, не вставая, протянул мне руку.

— Лукин, — коротко отрекомендовался он.

Мне было неловко. Офицеры молчали; Венцель прихлёбывал чай с ромом; адъютант пыхтел коротенькой трубкой; прапорщик Стебельков, кивнув мне, продолжал читать растрёпанный том какого-то переводного романа, совершившего в его чемодане поход из России за Дунай и вернувшегося впоследствии в еще более растрёпанном виде в Россию. Хозяин налил большую глиняную кружку чаю и влил в него огромную порцию рому.

— Натек-ка, господин студент! Вы на меня не сердитесь: я человек простой. Да и все мы здесь, знаете, люди простые. А вы человек образованный; значит, должны нас извинить. Так, что ли? — И он своею огромною рукою схватил мою руку сверху, как хищная птица хватает добычу, и несколько раз потряс ее в воздухе, нежно смотря на меня выпученными и округлившимися маленькими глазами.

— Вы студент? — спросил Венцель.

— Да, бывший, господин капитан.

Он улынулся и поднял на меня беспокойный взор. Мне вспомнились солдатские рассказы, но в ту минуту я усомнился в их правдивости.

— Зачем это «господин капитан»? Здесь, в палатке, вы свой между своими. Здесь вы просто интеллигентный человек между такими же, — тихо сказал он.

— Интеллигентный, это верно! — закричал Заикин. — Студент! Люблю студентов, хоть они и бунтовщики. Сам был бы студентом, если бы не судьба.

— Какая ж такая у тебя особенная судьба, Иван Платоныч? — спросил адъютант.

— Да подготовиться никак не мог. Ну, математика еще туда-сюда, а уж насчёт другого чего — не идёт, да что хочешь. Словесность эта... Правописание... Так и в юнкерском училище писать не научился. Ей-богу!

— Пускай шер а канон, пускай по-французски. Капитан у нас умный, Владимир Михайлыч: языки знает и разные немецкие стишки наизусть долбит. Слушайте, юноша! Я вас затем позвал, чтобы предложить вам перебраться ко мне в палатку. Там ведь вам вшестером с солдатами тесно и скверно. Насекомые. Все-таки у нас лучше...

— Благодарю вас, только позвольте отказаться.

— Это отчего? Вздор! Никита! Тащи его ранец! Вы в которой палатке?

— Вторая с правой стороны. Только все-таки позвольте мне остаться там. Мне ведь с солдатами больше бывать приходится. Лучше уж совсем с ними.

Капитан внимательно посмотрел на меня, как будто бы хотел прочитать мои мысли. Подумав, он сказал:

— Вы что же, в дружбе с ними состоять хотите?

— Да, если это будет возможно.

— Верно. Не перебирайтесь. Уважаю. — И он сгрёб своей ручищей мою руку и начал трясти ее в воздухе.

Немного времени спустя я распрощался с офицерами и вышел из палатки. Вечерело; люди одевались в шинели, готовясь к зоре. Роты выстроились на линейках, так что каждый батальон образовал замкнутый квадрат, внутри которого были палатки и ружья в козлах. В тот же день, благодаря днёвке, собралась вся наша дивизия. Барабаны проббили зорю, откуда-то издалека слышались слова команды:

— Полки, на молитву, шапки долой!

И двенадцать тысяч человек обнажили головы. «Отче наш, иже еси на небеси», — начала наша рота. Рядом тоже запели. Шестьдесят хоров, по двести человек в каждом, пели каждый сам по себе; выходили диссонансы, но молитва все-таки звучала трогательно и торжественно. По-немногу начали затихать хоры; наконец далеко, в батальоне, стоявшем на конце лагеря, последняя рота пропе-

ла: «...Но избави нас от лукавого». Коротко пробили барабаны.

— Накройсь!

Солдаты укладывались спать. В нашей палатке, где, как и в других, помещалось шестеро на пространстве двух квадратных сажен, мое место было с краю. Я долго лежал, смотря на звёзды, на костры далёких войск, слушающая смутный и негромкий шум большого лагеря. В соседней палатке кто-то рассказывал сказку, беспрестанно повторяя слова «наконец того», произнося не «тово», а «того».

— Наконец того, приходит тот принц к своей супруге и начал ей про все выговаривать. Наконец того, она... Лютиков, спишь, что ли?.. Ну, спи, Христос с тобой, Господи, Царица Небесная... Преподобных отец наших... — шепчет рассказчик и стихает.

В офицерской палатке тоже говор. По освещённому изнутри полотну двигаются огромные и уродливые тени сидящих в палатке офицеров. Изредка слышен взрыв хохота: это заливается адъютант. По линейке ходит туда и сюда часовой с ружьём; напротив нас, на бивуаке недалеко стоящей артиллерии, тоже часовой, с обнажённой пашкой. Оттуда изредка слышен топот лошадей у конюшней, их фыркание, слышно, как они мирно жуют овёс, с таким же добродушным шурханьем, какое мне случилось слышать не на войне, а где-нибудь на постоялом дворе на родине, в такую же тихую звёздную ночь. Семь звёзд Большой Медведицы блестели низко над горизонтом, гораздо ниже, чем у нас. Смотри на Полярную звезду, я думал, что именно в этом направлении должен быть Петербург, где я оставил мать, друзей и все дорогое. Над головою блестели знакомые созвездия; Млечный Путь не тускло светился, а сиял ясною, торжественно-спокойною полоскою света. На юге какие-то большие звезды незнакомого, не видимого у нас созвездия горели, одна красным,